

Б. П. Миловидов

ИСПАНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ВЕЛИКОЙ АРМИИ В РОССИИ: НА ПУТИ В ЦАРСКОЕ СЕЛО

В 1812 г. около 110 тыс. военнопленных Великой армии оказались в России¹. Они продолжали прибывать и позднее, в 1813 г. В связи с этим российские власти предприняли ряд попыток использовать бывших офицеров и солдат армии Наполеона в экономике России и на военной службе. Уже в самом начале Отечественной войны были предприняты усилия по вербовке военнопленных – выходцев из германских государств, а также Испании и Португалии. Наибольший успех имела попытка создания воинской части из испанцев и португальцев.

После подписания в Великих Луках 8 (20) июля 1812 г. союзного договора с Испанией по приказу Александра I стали распространяться листовки, призывающие испанских и португальских солдат Великой армии покинуть армию Наполеона и перейти в ряды его противников. Эта пропаганда была рассчитана в том числе и на пленных. В составе Великой армии находился полк «Жозеф Наполеон», целиком сформированный из испанцев и носивший имя брата Наполеона. На июнь 1812 г. четыре батальона этого полка, участвовавшие в русском походе, насчитывали 82 офицера и 2972 унтер-офицеров и рядовых. В ходе кампании 1812 г. полк потерял 96% своего состава и большая часть его солдат и офицеров оказалась в русском плену².

Впрочем, еще до заключения договора при предписаниях П. Х. Витгенштейну и И. Н. Эссену 1-му от 7 июля М. Б. Барклай де Толли препроводил экземпляры прокламации на испанском и португальском языках, которую следовало довести до сведения войск противника. Целью прокламации было устранить сомнения испанцев и португальцев в том, что в случае перехода их на русскую сторону «они получают от нас способы к возвращению в свое отечество»³. Как пишут комментаторы сборника документов «Листовки Отечественной войны 1812 г.», «с начала августа печата-

ние агитационной литературы, рассчитанной на испанско-португальские контингенты наполеоновской армии еще более расширяется. Систематически издаются большими тиражами известия об успехах английских войск и повстанческого движения в Испании». В одной из таких листовок, датированной исследователями первой половиной августа, сообщалось о разгроме 22 июля герцогом Веллингтоном войск маршала О.Ф.Л. Мармона и содержался призыв к португальцам и испанцам оставить наконец знамена своего смертельного врага и служить отныне только делу своей родины и религии. «Император Александр, – говорилось в документе, – друг всех угнетенных народов, предлагает вам средство, переправившись через море, снова увидеть родную землю и освободить ее от иноземного порабощения»⁴.

31 августа управляющий Министерством иностранных дел А. Н. Салтыков направил Витгенштейну на испанском и португальском языках несколько экземпляров подписанной посланниками обеих стран в России прокламации с призывом «сбросить тираническое иго Бонапарта» и переходить на сторону России. Дипломаты заявляли, что регент Португалии и король Испании по-прежнему считают своих подданных, воюющих в армии Наполеона, своими сыновьями и призывали доказать, что они достойны этого. «Сдавайтесь без опасений русским войскам, – говорилось в документе, – они встретят вас как братьев, они вернут вас на родину к вашим семьям, к вашим милым детям, которые плачут и ждут вас». В прокламации было обещано при содействии генерала Р. Вильсона, командовавшего ранее на Пиренейском полуострове составленным из португальцев и англичан Лузитанским легионом, вернуть покинувших ряды французской армии на родину⁵.

9 сентября 1812 г руководитель канцелярии М. И. Кутузова Е. Б. Фукс препроводил две прокламации, обращенные к пленным на испанском, португальском и французском языках, для напечатания в походной типографии при Главной квартире⁶.

Надо сказать, что не все испанцы хотели возвращаться на родину. Как донес 18 сентября в Министерство полиции эстляндский гражданский губернатор, двое испанских пленных пожелали отправиться к «армии Витгенштейна». Дело было доложено императору и тот повелел, снабдив пленных всем необходимым, отправить их к П. Х. Витгенштейну на почтовых, о чем и было 25 сентября сообщено эстляндскому губернатору⁷.

Как можно понять по имеющимся отрывочным документам, первоначально пленных испанцев и португальцев отправляли в Ревель. Это, очевидно, было связано с тем, что там же формировался и русско-немецкий

легион. В инструкции, данной императором Александром Комитету по немецким делам, говорилось, что офицеры легиона должны выдвинуться к аванпостам и местам расположения пленных для приема тех, кто добровольно согласится вступить в легион, и отправления их в места формирования – Ревель и Киев⁸. 26 июня канцлер Н. П. Румянцев предложил императору создать несколько депо для раненых и пленных немцев, включая пруссаков, где содержать их на улучшенных условиях и вести среди них пропаганду⁹. А 4 августа Комитет по немецким делам для успешного формирования легиона признал необходимым направлять пленных немцев прямо в Ревель и Киев. Герцог П. Ольденбургский для успешной вербовки должен был послать туда офицеров, а своему сыну принцу Августу, находившемуся при Главной квартире, поручить снестись с главнокомандующим с тем, чтобы пленных немцев в другие пункты не отправляли¹⁰. Возможно, именно с реализацией этих планов связано и распоряжение коменданта Главной квартиры С. Х. Ставракова от 1 октября об отсылке в Петербург наряду с испанцами и португальцами также вестфальцев, гессенцев и ганноверцев¹¹. На особый успех пропаганды среди «вестфальцев, тирольцев и иллирийцев» рассчитывал и один из инициаторов создания русско-немецкого легиона барон Г. Ф. К. фон унд цум Штейн¹². Концентрация пленных, готовых служить с оружием в руках против Наполеона, в Прибалтике обуславливалась, по-видимому, планами их использования против наиболее слабого союзника Наполеона – Пруссии, а в случае с испанцами главным образом и удобством транспортировки морем на родину.

Во всяком случае, уже 19 августа в Ревель прибыла партия из 129 пленных, в числе которых было 81 испанец, 41 немец и 7 кроатов (38 человек из этой партии вступили в легион)¹³. В следующей партии, прибывшей 4 сентября, было 193 человека, в том числе 104 испанца и 84 немца, причем 77 немцев согласились вступить в легион¹⁴.

О том, что испанцы имели уже на начальном этапе войны особое место назначения, ясно из предписания Ф. В. Ростопчина, сделанного 27 августа московскому коменданту И. Х. Гессе. Генерал-губернатор приказал, в частности, из партии пленных в 74 человека двух испанцев отправить в Подольск «к тамошнему городничему для присоединения к прочим там находящимся», а трех прусских дезертиров в Ревель. И испанцев, и пруссаков следовало препровождать в назначенные для них места посредством внутренней стражи (для конвоирования остальных пленных в Вологду была назначена команда Вяземского ополчения)¹⁵. Впрочем, еще 17 августа Ростопчин предписал подольскому городничему четырех отправленных в его распоряжение дезертиров (двух испанцев и двух поляков) разместить

по квартирам «под своим смотрением», снабжая их обыкновенным провиантом (его надо было требовать от провиантского чиновника) и выдавая по 15 коп. ассигнациями в сутки (из уездного казначейства)¹⁶. Упомянутые нормы снабжения восходили к сделанному в конце июня начальником Главного штаба 1-й Западной армии Ф. О. Паулуччи распоряжению, согласно которому суточное содержание пленных нижних чинов составляло 10 коп. и «обыкновенную порцию солдатского провианта», дезертирам полагалось по 15 коп. и провиант¹⁷. Позднее именно эта, дезертирская норма снабжения была распространена на пленных испанцев и португальцев.

Уже 27 августа в Министерстве полиции получили рапорт эстляндского гражданского губернатора о пленных испанцах и шведах, а 10 сентября вновь о пленных испанцах (это был ответ на предписание № 263). Следующие рапорты губернатора о пленных испанцах получены 16 сентября. А 8 октября получен рапорт эстляндского губернатора о получении им предписания, касающегося доставления пленных испанцев к Санкт-Петербургскому коменданту. И наконец, 4 ноября был получен рапорт об отправлении пленных испанцев в Петербург. Впрочем, этот процесс растянулся – о каком-то происшествии, случившемся при прохождении пленных испанцев, было получено известие от губернатора 13 ноября, а 19 ноября донесение о продолжении отправки этих пленных¹⁸.

Тем не менее уже в конце сентября Вильсон в своем дневнике упоминает об отправке испанцев в столицу. В частности, 21 сентября (3 октября) он отмечает, что среди захваченных накануне 84 пленных были 17 испанцев из корпуса Ромны, «не сумевших бежать вместе с ним». «Они были совершенно раздеты, я дал им на всех семь фунтов и отправил в Санкт-Петербург»¹⁹, – пишет английский генерал. Впрочем, имели ли в виду Вильсон и Ставраков (в распоряжении от 1 октября) Петербург как место сосредоточения всех испанских пленных или только как транзитный пункт на пути в Прибалтику, не вполне понятно.

Но как бы то ни было, к началу октября решение о передислокации испанцев из Ревеля в Петербург столичные власти уже приняли.

История принятия этого решения становится ясной из докладной записки, датированной 2 октября и представленной императору управляющим Министерством полиции и главнокомандующим в Санкт-Петербурге С. К. Вязмитиновым 3 октября 1812 г. В ней говорилось, что А. А. Аракчеев приказал министру полиции собрать сведения о количестве находившихся в России пленных испанцев и о том, кто из них желает вернуться морем на родину. Эстляндский гражданский губернатор донес, что в его губернии находится 584 пленных испанца, но отправить их в отечество не представ-

ляется возможным за отсутствием английских судов. В связи с этим царь и повелел отправить этих пленных в распоряжение санкт-петербургского коменданта и поместить в гвардейских казармах. Точная дата этого повеления неизвестна. Причиной же составления доклада от 2 октября стало новое донесение эстляндского губернатора, согласно которому число пленных испанцев увеличилось до 758 человек, причем губернатор уже обратился с просьбой взять их на суда к находящемуся у Риги английскому адмиралу Мартинсену²⁰. Впрочем, как показали дальнейшие события, эта идея реализована не была. 4 октября о решении императора перевести испанцев и португальцев в Санкт-Петербург Вязмитинов сообщил Аракчееву²¹.

Между тем испанский уполномоченный Ф. Зеа Бермудес по поводу задержки с отправкой своих соотечественников из России проявлял беспокойство. Об этом свидетельствует его нота от 27 сентября и от 5 (17) октября. Текст первой ноты и ответ на нее управляющего Департаментом иностранных дел графа Салтыкова нам не известны. Во второй ноте говорится, что дело об испанцах «не ограничивается в скором отправлении сих людей, хотя приближение осени и делает сие отправление необходимым». Однако о переводе пленных в Петербург ничего не сказано. По словам испанского представителя, он с прискорбием узнал, что находящиеся в Ревеле пленные подданные Фердинанда VII пребывают в «жалостнейшем положении по недостатку в одежде» и снести наступающую стужу не в состоянии. Обо всем этом Зеа Бермудес просил довести до сведения государя²². И 9 октября Румянцев сообщил управляющему Военным министерством А. И. Горчакову о принятом Александром I решении, согласно которому все вопросы содержания и отправления испанцев и португальцев уполномоченный Фердинанда VII должен был обсудить с Горчаковым, а тот с учетом достигнутых договоренностей испросил бы соответствующее повеление²³. В тот же день о том, что все касающиеся испанских и португальских солдат дела предоставляются «распоряжению и непосредственным отношениям» Зеа Бермудеса и Горчакова, со ссылкой на императорское повеление Салтыков сообщил об этом и самому испанскому дипломату²⁴. Таким образом был определен механизм межгосударственного взаимодействия, позволявший принимать решения, устраивавшие обе державы.

Беседа Зеа Бермудеса и Горчакова состоялась 12 октября 1812 г., а на следующий день испанский дипломат зафиксировал ее итоги в ноте, направленной Горчакову. Представитель Фердинанда VII согласился с мнением управляющего Военным министерством в том, что отправление морем на родину испанских и португальских солдат встречает непреодолимые трудности и что лучшим выходом будет оставление их на зиму в России. Дипло-

мат поддержал также и другое предложение Горчакова: «Чтоб тем временем людей сих употребить на пользу общую, которую как Россия так и Гишпаниа обще защищают» – из испанцев и португальцев нужно составить полк или батальон. Таким образом, по мнению Зеа Бермудеса, если Александр I согласится, бывших солдат Наполеона можно было бы использовать для гарнизонной службы в Петербурге и «при первом открытии мореплавания» отправить на родину. По назначению Горчакова предполагалось выделить казармы в Царском Селе или в окрестностях столицы, собрать там всех оказавшихся по воле Наполеона в России испанцев и португальцев и предложить им вступить в упомянутый полк или батальон, «ибо справедливость того требует, чтобы не предпринимать ничего определенного, не отобрав от них собственного на то согласия». Зеа Бермудес повторил и свое «замечание», высказанное накануне в устной беседе с управляющим Военным министерством. «Дабы образование сие не произвело бы никакой зависти как в немецком легионе, так и во всяком другом формирующемся или который будет формироваться в России, также чтоб внушить настоящее доверие сим солдатам и наконец, чтобы» заслужить «совершенное одобрение» своего правительства, испанский представитель просил, чтобы «корпус сей был сформирован независимым от других, имел бы знамена, мундир, кокарду на точном основании, введенном в Гишпаниа». Зеа Бермудес просил Горчакова исходатайствовать на это высочайшее повеление, а также назначить жалование «чиновникам сего корпуса», о котором им можно было бы объявлять при приеме на службу. Закончил дипломат свою ноту уверениями: он гордится тем, что доставил «наконец храбрым гишпанским воинам щастие служить с неустрашимыми войсками его императорского величества и что там, где бы они не находились, они будут занимать место наравне... с российскими солдатами и умножат шеренги тех, которые столь храбро стараются за отечество свое и за пользу всей Европы»²⁵.

Горчаков составил доклад и вместе с нотой Зеа Бермудеса представил его императору. Управляющий Военным министерством предложил, собрав со всей России испанских и португальских пленных и дезертиров, расположить их в царскосельских казармах, «снабдить всем необходимо нужным», поручить надзор за ними специальному чиновнику и «приготовить их сим образом к отправлению будущю весною или к какому-либо другому употреблению, каковое разрешат обстоятельства»²⁶.

17 октября Бермудес направил Горчакову еще одну ноту, в которой торопил российские власти сообщить ему окончательное решение по поводу судьбы испанских солдат в России. Спешка была вызвана отправкой к испанскому двору курьера с известием о ратификации российско-испанского

договора, и дипломат хотел заодно сообщить Фердинанду VII о перспективах использования и отправки испанских пленных и дезертиров, служивших в Великой армии²⁷. Однако доклад Горчакова император утвердил только 21 октября²⁸.

В результате 26 октября 1812 г. Горчаков направил Зеа Бермудесу «пункты», в которых перечислялись «апробованные» императором распоряжения «в пользу находящихся в России гишпанских воинских чинов». В финальной части этого документа говорилось, что эти согласованные Горчаковым и Зеа Бермудесом «статьи» «будут служить порукою согласия, долженствующего существовать при исполнении их между уполномоченными обеих держав». В документе декларировалось, что намерения российского императора – «изъявить гишпанскому правительству новый знак дружества и озаботиться между тем благом людей сих». «Пункты» развивали и конкретизировали уже упомянутые выше решения. Первым пунктом признавалось, что собрать и обмундировать испанских солдат раньше прекращения навигации невозможно и поэтому их следует сконцентрировать в Петербурге. Следующим пунктом признавалось, что пребывание в царскосельских казармах «будет для них спокойнее, чем в самом городе». Однако после формирования из испанских воинских чинов батальонов они могли быть поставлены на квартирах как в Петербурге, так и в Царском Селе. Число же этих батальонов должно было зависеть от количества прибывших в Царское Село пленных и дезертиров, которые во время нахождения в России должны были снабжаться за счет «императорского величества» продовольствием, одеждой и жалованием. Надзор за ними предполагалось поручить одному из штаб-офицеров. Занятия же на зимнее время для испанцев «свойственно характеру гишпанскому» должен был предложить уполномоченный его католического величества. С открытием весенней навигации испанцев предполагалось поручить «в непосредственное распоряжение испанского правительства или его уполномоченного при дворе нашем для амбаркирования из Кронштадта в Гишпанию». Организация батальонов возлагалась на Горчакова, но она должна была основываться «на правилах совершенной независимости» от российских войск, они должны были иметь испанские знамена, обмундирование, бант (cocarde). Более детальные меры, касающиеся формирования испанских частей (в том числе жалование и одежду) Горчакову предоставлялось определить совместно с Зеа Бермудесом²⁹.

Однако обо всех этих планах и решениях в действующих войсках известно не было, и армейское командование решение вопроса об испанских пленных планировало несколько по-иному.

29 сентября, находясь в Тарутине, Кутузов направил управляющему Военным министерством Горчакову соображения относительно ряда категорий пленных. В связи с большим количеством пленных и во избежание их скопления главнокомандующий предложил испросить разрешения царя на отправку поляков на Кавказскую линию (где их можно было бы употреблять на службу в полки), а пьемонтцев в Одессу, откуда генерал Вильсон брался отсылать их через английскую миссию в Константинополе в Сардинию. В случае одобрения этой идеи императором, Кутузов просил сделать соответствующее предписание гражданским губернаторам, с тем чтобы всех остальных пленных отправлять в Тамбовскую губернию³⁰.

Впрочем, письмо Вильсона императору Александру от 30 сентября (12 октября) позволяет сделать вывод, что инициатива перемены судьбы пьемонтцев принадлежит именно ему: «Маршал по моему настоянию, – пишет английский генерал, – отправил в Одессу всех пьемонтцев, пленных и дезертиров и я писал г-ну Листону в Константинополь, чтобы он выслал кого-нибудь для приема оных, потому что появление их в Средиземном море будет весьма выгодно для предприятий в той стороне»³¹. Это подтверждается и записью в дневнике Вильсона за 1 (13) ноября: «Император дозволил мне отсылать всех пьемонтцев в Одессу за русский счет, но оттуда перевозить их уже на наши деньги или на деньги короля Сардинского». Одновременно Вильсон полагал, что он сможет набрать в течение шести недель 20 тыс. солдат из немецких пленных и дезертиров, если только это будет нужно Англии³².

16 октября Горчаков сообщил Вязмитинову, что император утвердил предложения Кутузова об отправке пленных поляков на Кавказскую линию, а пьемонтцев в Одессу в распоряжение дюка Э. О. Ришелье. Прочих пленных, как и было определено ранее, надлежало отправлять в Астраханскую, Пермскую, Оренбургскую, Саратовскую и Вятскую губернии³³. Как разъяснил Горчаков Вязмитинову 20 декабря, отправка пьемонтцев в Константинополь для отсылки их в Сардинию посредством английской миссии была тогда же, т.е. в октябре, возложена на дюка Ришелье³⁴.

23 октября 1812 г. Горчаков направил Ришелье очередное предписание, посвященное отправлению пьемонтцев. Однако в Одессу оно дошло только 13 ноября. К тому времени Ришелье отправился уже в Ольвиополь для борьбы с появившейся в селениях «по той стороне Буга» сомнительной болезнью. Однако еще до этого в ответ на повеление Горчакова за № 798 (очевидно от 16 октября, поскольку соответствующий документ, адресованный Горчаковым Кутузову, имел № 792) Ришелье доносил ему о «невозможности в продолжение опасной болезни воспользоваться отправле-

нием пьемонтцев в Царьград» морем. Одновременно с этим донесением Ришелье писал и гражданским губернаторам тех губерний, где находились пленные, чтобы они до нового повеления остановили отправку пьемонтцев. На том дело тогда и остановилось. Все это Ришелье изложил в своем отношении Горчакову от 31 декабря 1812 г., выразив надежду, что весной, когда не будет уже опасной болезни, идею об отправке пьемонтцев морем в Константинополь можно будет успешно реализовать³⁵. Ситуация в эпидемиологическом отношении на юге России в 1812 г. действительно была сложной, так что Александр I был вынужден откомандировать на борьбу с «заразой» бывшего министра внутренних дел А. Б. Куракина, для чего под его руководством при МВД была создана особая комиссия. Во исполнение императорского указа Комитет министров 3 декабря 1812 г. предписал Куракину немедленно отправиться в район эпидемии и предоставил ему, в зависимости от обстоятельств, в числе прочих мер приостанавливать движение партий рекутов и пленных³⁶.

Однако всех этих обстоятельств Кутузов еще не знал и 28 октября, получив отношение Горчакова об отправлении поляков на Кавказскую линию, а пьемонтцев в Одессу, направил управляющему Военным министерством и свои предложения относительно пленных испанцев и португальцев, отсылавшихся до этого времени в Петербург. Кутузов считал, что с отдалением армии от Москвы этих пленных будет гораздо удобнее отправлять в Одессу, откуда морем на английских кораблях они уже могли быть переправлены на родину. Поэтому главнокомандующий предписал подчиненным ему военным начальникам при отправлении партий пленных всегда отдельно обозначать в списках поляков, пьемонтцев, испанцев и португальцев. Вместе с тем Кутузов просил Горчакова при отправлении испанцев и португальцев в Одессу дать особые предписания гражданским губернаторам³⁷. Впрочем, как ясно из отношения Кутузова к Горчакову от 14 декабря 1812 г., главнокомандующий «не приступал сам по себе к перемене прежнего... назначения» этой категории пленных, ожидая соответствующего императорского повеления. Дело так и ограничивалось указанием сведений об испанцах и португальцах в списках партий³⁸.

Однако идея об отправке испанцев и португальцев на юг была в какой-то мере реализована в армии П. В. Чичагова. В частности, лорд Тэрконель сообщал в письме к лорду Кэткарту от 2 (14) ноября, что перебежавшие к русским 20 человек испанцев «будут отправлены по приказанию адмирала в Одессу для возвращения в отечество»³⁹.

Предложения Кутузова от 28 октября 1812 г. были получены в Петербурге только 2 ноября, когда были приняты уже иные решения⁴⁰.

Еще 29 октября 1812 г. последовало сразу два циркулярных предписания главнокомандующего в Санкт-Петербурге и управляющего Министерством полиции С. К. Вязмитинова, относящихся к пленным испанцам и португальцам. В первом Вязмитинов требовал уведомить его о количестве и местах нахождения португальских и испанских пленнх. Вторым циркуляром испанским нижним чинам со ссылкой на высочайшее повеление устанавливалось денежное содержание в 15 коп. в сутки и солдатский провиант⁴¹. В тот же день, 29 октября, Вязмитинов сообщил о новых нормах снабжения испанских пленнх отдельным письмом и Кутузову. Из этого документа видно, что император Александр, утверждавший нормы циркуляра 29 октября о снабжении пленнх испанцев, руководствовался предложением именно Михаила Илларионовича⁴². А 4 ноября в ответе на предложения от 28 октября Горчаков сообщил Кутузову о вновь принятых решениях, касающихся отправления испанцев и португальцев в Петербург и формировании из них батальонов. При этом управляющий Военным министерством просил главнокомандующего дать по армии соответствующий приказ и, если кто-то из испанских и португальских воинов уже отправлен в Одессу, возвратить их, послав вслед нарочных⁴³. В тот же день 4 ноября 1812 г. Горчаков сообщил о новых решениях и Вязмитинову и просил дать губернаторам соответствующее предписание⁴⁴. Однако предписание губернаторам присылать испанцев и португальцев в Петербург, а также содержать пленнх португальцев наравне с испанцами Вязмитинов издал только 15 ноября⁴⁵.

Впрочем, исполнялись предписания управляющего Министерством полиции, очевидно, недостаточно оперативно. Так, об отправлении португальцев и испанцев в Петербург наряду с гессенцами, вестфальцами и ганноверцами калужский гражданский губернатор дал предписание только 29 ноября⁴⁶.

Тем не менее в Петербург испанцы постепенно прибывали и передавались в ведение Горчакова. Так, 16 октября санкт-петербургский гражданский губернатор по предписанию Вязмитинова направил к Горчакову доставленных в столицу в числе прочих дезертиров Великой армии шесть испанских (Балтазар Бургос, Франциск де Паули, Мануэль Проен, Антуан Сантог, Доминго Костембо и Педро Аренас)⁴⁷.

25 октября 1812 г. Константин Павлович передал Горчакову высочайшее повеление о порядке содержания и лечения пленнх испанцев в столице. Военное министерство должно было отпустить на обмундирование прибывающих в Петербург пленнх испанцев сукно «армейского положения» (на шинели серое, на мундиры, панталоны и шапки синее, на воротни-

ки, обшлаги и выпуск красное, на штиблеты черное, а также на подкладку и на три рубахи), а кроме того, по одной паре чулок и шерстяных носков, по две пары башмаков и по паре рукавиц на человека. Больных испанцев следовало принимать в сухопутный госпиталь и размещать их в особом покое, назначив при них «для удобнейшего объяснения» говорящего по-немецки или по-французски лекаря. Выздоровливающих же испанцев из нижних чинов, находящихся в Стрельнинском и Ораниенбаумском госпиталях, следовало отправлять в Санкт-Петербург для представления на смотр самому великому князю⁴⁸. Одновременно великий князь также передал главе Комиссариатского департамента генерал-кригс-комиссару А. И. Татищеву просьбу об отпуске под расписку чиновнику его канцелярии Ефимову сукна, пуговиц и прочих вещей на восемь человек испанцев «для зделания им образцовых мундиров»⁴⁹. На следующий день Татищеву сообщили, что Константин Павлович получил 33 аршина серого сукна на шинели для испанцев, но просил заменить его серым крестьянским сукном, которое можно, по его мнению, отпускать для этих целей и впредь, а также отпустить восемь пар башмаков. Как видно, великий князь озаботился экономией средств, скорректировав императорское повеление в сторону удешевления обмундирования испанцев. Причем наследник престола просил прислать сукно и товар на башмаки прямо в Мраморный дворец⁵⁰. 27 октября, получив упомянутое императорское повеление, вопросом об обмундировании пленных испанцев занялся уже и Горчаков, предписав генерал-кригс-комиссару исполнить волю императора, а о сумме, употребленной на обмундирование пленных испанцев, составить особый счет «для истребования оной в возврат в свое время»⁵¹. На следующий день, 28 октября, генерал-кригс-комиссар предписал Комиссариатскому департаменту отпустить на обмундирование испанцев «тому кто явится для приема» вещи и материалы, указанные в высочайшем повелении. Одновременно он отнесся и к главному смотрителю Санкт-петербургского военного госпиталя генерал-майору Д. Ф. Вындомскому, который должен был обеспечить размещение и лечение в этом госпитале больных испанцев⁵². Департамент же, в свою очередь, отдал предписание Санкт-петербургской комиссариатской комиссии, которая должна была отпустить те вещи и материалы, которые у нее имелись, и купить все недостающее, предварительно донеся департаменту о последних ценах⁵³.

После принятия решения о формировании из испанцев и португальцев батальонов российская и испанская стороны приступили к активной их реализации. Это означало наступление нового этапа в пребывании испанских и португальских пленных в России.

Одной из важнейших задач было установление среди бывших солдат Великой армии воинской дисциплины. Поэтому по договоренности с Горчаковым и в соответствии с данными испанскими властями полномочиями Зеа Бермудес решил восстановить «прежние чины и должности тех», кто был сержантами и капралами еще в рядах испанской армии. Причем, подходя со всей осторожностью к рассмотрению доказательств прежней службы тех или иных лиц в качестве унтер-офицеров, испанский дипломат вынес этот вопрос на рассмотрение всех нижних чинов, которые единодушно подтвердили представленные данные. Судя по составленному списку, среди испанцев в столице насчитывалось шесть сержантов, восемь старших капралов и шесть вторых капралов. Сам Зеа Бермудес произвел в сержанты только рядового Игнацио Паллеса «в вознаграждение его мужества и преданности». Заслуга его состояла не только в том, что он дезертировал из армии Наполеона, но и вернулся затем в нее с целью распространения написанной испанским представителем прокламации и для побуждения своих товарищей «к ваящим побегам». Решение о производстве Паллеса в сержанты вызвало общую поддержку среди собранных в столице испанцев. Сообщив об этом Горчакову 30 октября, испанский дипломат обещал придерживаться подобной же практики и в дальнейшем. Он подтвердил, что испанские войска «обязаны соблюдать строгий порядок сколь для собственной их пользы, столь и из признательности к милосердию и щедрости его императорского величества и российского народа»⁵⁴. В своем ответе от 4 ноября Горчаков полностью поддержал принятые Зеа Бермудесом решения и подтвердил, что решения о производстве в чины он должен сам принимать и впредь, поскольку именно ему предоставлено внутреннее управление испанцами и непосредственный надзор за ними⁵⁵. Как следует из ноты Бермудеса Горчакову от 7 ноября, таким ответом управляющего Военным министерством он был вполне доволен. Испанский дипломат заявил, что принимает на себя все внутреннее управление и надзор за испанцами, имеет к ним большое доверие и весьма доволен их поведением. Но все же Зеа Бермудес выразил опасение, что обеспечить среди испанцев и португальцев порядок и повиновение «в столь обширной столице, каков Петербург», весьма затруднительно, поскольку «в таком множестве людей всегда могут сыскаться такие, коих поступки не всегда соответствовали бы обращению их товарищей». Опасаясь эксцессов, которые могли бы оскорбить жителей союзной столицы, представитель Фердинанда VII предлагал как можно скорее исполнить решение императора и вывести испанцев в Царское Село. «Нет сомнения, – писал он, – что там для частной их удобства как и для общего образования будет лучше, нежели здесь».

Опасаясь, что чрезвычайная свобода, которой испанцы пользовались в Петербурге, подаст повод к нарушению ими «своих обязанностей», Зеа Бермудес ходатайствовал об удалении испанцев из столицы даже не дожидаясь их обмундирования, «в том положении в котором они находятся». Об этих обстоятельствах испанский дипломат просил Горчакова довести до сведения императора, а кроме того ускорить доставку испанцев из Ревеля, которые в случае дальнейших проволочек «по недостатку одежды и суровости погоды подвергнутся гораздо большим неудобствам»⁵⁶.

О том, что в решении разместить испанцев именно в Царском Селе не последнюю роль играли полицейские соображения, свидетельствует письмо Ф. Шуберта к сыну из Петербурга от 6 декабря 1812 г.: «Здесь у нас было несколько сотен испанских перебежчиков, – сообщает он, – но теперь их всех отправили, после того как трое из них были наказаны кнутом за убийство одного русского (говорят в публичном доме)»⁵⁷.

Рассмотрев доклад Горчакова, где излагалось содержание просьбы испанского дипломата, император подтвердил свое решение о переводе испанцев из Петербурга в царскосельские казармы, но повелел «сперва обделать и вытопить казармы сии»⁵⁸. Это решение Александра I управляющий Военным министерством сообщил Зеа Бермудесу 17 ноября 1812 г.⁵⁹

Но уже 15 ноября Инспекторский департамент сообщил Горчакову, что в соответствии с предписанием последнего адъютант великого князя Константина Павловича полковник лейб-гвардии Конного полка А. А. Жандр просил об отпуске «всех потребностей» в Софийские казармы, где было решено разместить испанцев и португальцев (София – город, учрежденный в 1780 г. и расположенный по соседству с императорской царскосельской резиденцией). В итоге Департамент предписал находящемуся при казармах подполковнику Бикбулатову отвести испанцам пустые помещения и отпустить для пленных нужное количество дров, свечей и «других потребных вещей»⁶⁰.

Как было выполнено императорское повеление в части подготовки казарм для размещения пленных, неизвестно, поскольку перевод испанцев и португальцев из столицы осуществлялся в экстренном порядке. Как следует из рапорта Санкт-Петербургского коменданта генерал-майора П. Я. Башуцкого от 18 ноября, 205 испанцев и португальцев еще накануне под командой майора Розенкампа вошли в Софию. Из того же документа ясно, что всего их в столицу от Нарвского коменданта было прислано 241 человек и по высочайшему повелению, объявленному Вязмитиновым 23 октября, им производилось по 25 коп. кормовых денег на человека в сутки⁶¹. В отношении Горчакова к Вязмитинову от 20 ноября сказано, что «на-

ходящиеся здесь (т.е. в столице. – *Б.М.*) гишпанцы отправлены в Царское Село и помещены в тамошних казармах»⁶².

Необходимость отвода для испанцев и португальцев места в казармах была тесно связана с выяснением их общей численности в России. Поэтому, сообщив испанскому представителю решение царя о выводе испанцев из столицы, в тот же день, 17 ноября, Горчаков запросил Вязмитинова, сколько их находится в ведении Министерства полиции, причем требовал предоставить данные по каждой губернии с приложением именных списков «чиновников», т.е. офицеров⁶³. На следующий день Вязмитинов ответил, что точных сведений о числе пленных в его министерстве нет и не может быть до тех пор, пока пленные не придут к местам назначения. На основании же присылаемых губернаторами сведений о пленных в период их движения по губерниям сделать пленным «основательного счета» «никак невозможно», потому что одни и те же пленные фигурируют в отчетах разных губернаторов. Проблема общей численности пленных волновала и самого Вязмитинова, но он, наоборот, хотел от самого Горчакова получить «подробнейшие сведения» о том, сколько пленных было передано гражданскому начальству из действующих армий⁶⁴.

Серьезной проблемой было обеспечение пленных деньгами и медицинской помощью. Так, 21 ноября управляющий Военным министерством попросил управляющего Министерством полиции дать распоряжение об отпуске для находящихся в столице испанцев кормовых денег, причем предложил выдавать их не на 10 дней, а на месяц вперед, чтобы дать возможность «к заведению ими хозяйственных вещей, так равно и артелей». Кроме того, Горчаков просил о выделении обывательских подвод под своз в госпитали больных⁶⁵. Об этих просьбах к Вязмитинову Горчаков поставил в известность Жандра и Зеа Бермудеса⁶⁶. 23 ноября Вязмитинов сообщил Горчакову, что отнесся к министру финансов, чтоб тот предписал Казенной палате выдавать Розенкампу деньги, причем срок, на который следовало вперед их выплачивать испанцам и португальцам, главнокомандующий в Петербурге предоставил определять главе Военного министерства самому. Отдал Вязмитинов и гражданскому губернатору предписание о выделении подвод для больных⁶⁷.

Были предприняты и первые конкретные шаги по обмундированию имевшихся налицо в окрестностях столицы испанских солдат Великой армии. Уже 5 ноября великий князь Константин Павлович затребовал у Комиссариатского департамента отпустить обмундирование на 248 человек. Кроме полного комплекта вещей, прописанных в высочайшем повелении, Константин Павлович потребовал еще на каждого галстук с манишкой и 48

ранцев с ремнями и пряжками (у остальных 200 человек они имелись). Принимать вещи должен был майор Кексгольмского пехотного полка Розенкампф⁶⁸. 12 ноября департамент сообщил это требование к исполнению комиссии Санкт-Петербургского комиссариатского депо⁶⁹.

В ноябре – декабре 1812 г. властям пришлось решать ряд проблем, связанных с одеждой пленных испанцев и португальцев, прибывающих в столицу из Нарвы. В ноябре 1812 г. Горчаков предписал нарвскому коменданту майору Ефимовичу в случае, если среди находящихся в его распоряжении пленных находятся испанцы, их необходимо немедленно отправить в Петербург. При этом «для сбережения» детей солнечной Иберии «в пути от болезней» следовало назначать ростахи, а переходы должны быть небольшими⁷⁰. 17 ноября Ефимович ответил, что для препровождения в столицу прибывших из Ревеля 600 испанцев к нему был прислан от петербургского гражданского губернатора чиновник. Однако поскольку пленные были без одежды и обуви, Ефимович отправить их в путь не решился, а обратился за разъяснениями к Вязмитинову, который со ссылкой на высочайшее повеление предписал одеть пленных сообразно времени года. Но одежды в Нарве купить не удалось, и поэтому комендант 12 ноября обратился к главнокомандующему в Петербурге вторично⁷¹. Вязмитинов предписал Санкт-Петербургскому гражданскому губернатору купить нужную для испанцев одежду в соответствии с присланной Ефимовичем ведомостью и отправить ее в Нарву с нарочным. Однако губернатор возражал против такого решения, поскольку считал издержки на покупку одежды напрасными, в столице испанцев все равно нужно было обмундировывать в соответствии с высочайшим повелением. В результате управляющий Министерством полиции изменил свое решение, предписав отправить в Нарву лишь ту одежду, «которая сберегала бы сих военнопленных от стужи во время препровождения». Но с учетом тех требований, которым, согласно предписаниям Вязмитинова, должна была соответствовать зимняя одежда пленных, и такое решение казалось губернатору нарушающим интересы казны. В итоге он вступил в переговоры с Горчаковым, который согласился послать в Нарву 200 шинелей из Санкт-Петербургского военного госпиталя (в дополнение к приготовленным при ордонанс-гаузе), 200 пар сапог с получулками, 200 пар варежек и 200 суконных фуражек. Таким образом можно было доставить из Нарвы 200 человек. Об этом решении губернатор сообщил Ефимовичу 30 ноября, предписав, чтобы пленные направлялись прямо в Царское Село, где одежду у них следовало отобрать и отправить обратно в Нарву для транспортировки следующей партии. Но только 7 декабря губернатор сообщил управляющему Военным министерством об отправлении 200 шинелей в Нарву⁷².

Получив рапорт Ефимовича от 17 ноября, Горчаков 20 ноября приказал Жандру для ожидавшихся из Нарвы испанцев также подготовить в Царском Селе казармы. Тогда же он отнесся с просьбой к Вязмитинову обращаться как упомянутых 600 человек, так и прочих испанцев в Царское Село напрямую⁷³.

Испанцы из Нарвы стали прибывать в середине декабря. 16 декабря Розенкампф донес Горчакову о прибытии 273 человек. В процессе перемещения их в Царское Село возник ряд трудностей. Так, прибывшие жаловались, что недополучили кормовых денег (из расчета 25 коп. на день) на общую сумму в 68 руб. 25 коп.⁷⁴ В связи с этим Ефимович донес 31 декабря, что недополучение произошло из-за спешности отправления и составило всего 13 руб. 65 коп., которые были высланы вскоре в Царское Село Розенкампфу⁷⁵.

План Санкт-петербургского губернатора сэкономить на одежде при транспортировке пленных оказался также трудновыполнимым. Розенкампф сообщил, что немедленно обмундировать пленных невозможно, кроме того, некоторые из них уже носили выданные им сапоги и чулки (очевидно, качество этих вещей оставляло желать лучшего). А свою собственную остававшуюся у них амуницию испанцы продали еще в Нарве. Обо всем этом Горчаков уведомил губернатора 23 декабря⁷⁶. Губернатор обратился к управляющему Военным министерством с просьбой разрешить покупку дополнительных вещей для пленных испанцев, подлежащих переводу в Царское Село – в Нарве таких оставалось еще 335 человек. Более того, губернатор планировал после размещения их в Софии и обмундирования отправить освободившуюся одежду для находившихся в Нарве в работах 170 пленных. А между тем из Санкт-петербургского военного госпиталя требовали вернуть 200 шинелей, за которыми был даже прислан специальный чиновник⁷⁷. И поскольку Комиссариатский департамент обмундировать испанцев в короткие сроки оказался действительно не в состоянии, Горчаков вынужден был на требование губернатора 31 декабря 1812 г. согласиться⁷⁸. Шинели, отправленные из госпиталя, принадлежали находившимся там больным военнослужащим, которые предположительно должны были задержаться на лечении «недели две». Но как следует из рапорта смотрителя Санкт-петербургского военного госпиталя в Комиссариатский департамент от 2 апреля 1813 г., они так и не были возвращены⁷⁹. На запрос Военного министерства петербургский гражданский губернатор подтвердил согласие Горчакова на оставление этих шинелей у прибывших испанцев до снабжения их положенным обмундированием. В связи с этим Комиссариатский департамент попросил отправить в Петербургский госпиталь 200 шинелей взамен взятых⁸⁰.

Следующая партия испанцев должна была выступить, по донесению Ефимовича, во главе с констеблем морской артиллерии Толстым из Нарвы 15 февраля, а остававшиеся в тамошнем госпитале больными 60 человек покинули Нарву под командованием штабс-капитана Григорьева 3 марта⁸¹. 12 апреля из Нарвы в Царское Село были отправлены еще девять человек (из 10 прибывших в нарвский ордонанс-гауз из Дерптского военно-временного госпиталя)⁸².

Весной 1813 г. все прибывшие к тому времени в Царское Село испанцы и португальцы были приведены к присяге, а летом на английских кораблях отправились на родину. Сформированный из них полк получил наименование Испанского Александровского. Впрочем, сбор и отправка из России на родину испанских и португальских пленных продолжались и позднее. Однако это сюжеты следующих работ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бессонов В. А. Потери Великой армии в Отечественной войне 1812 года (к вопросу определения численности военнопленных) // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. М., 2002. Вып. 1. С. 181.

² Васильев А. А. Испанский полк «Жозеф Наполеон» в русской кампании 1812 г. // Цейхгауз. 1997. № 6.

³ Листовки Отечественной войны 1812 г.: Сб. документов. М., 1962. С. 38–39.

⁴ Там же. С. 38–39.

⁵ Внешняя политика России XIX – начала XX в. М., 1962. Сер. 1. Т. 6. С. 771.

⁶ Материалы об Отечественной войне: Подроб. журн. исходящих бумаг собств. канцелярии главнокомандующего Соединенными армиями генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского в 1812 г. М., 1912. С. 359.

⁷ ГАРФ Ф. 1165. Оп. 1. Д. 620. Л. 302об.

⁸ Внешняя политика России XIX – начала XX в. С. 754; Pertz G. H. Das Leben des Ministers Freiherrn vom Stein. В., 1851. Bd. III. S. 622.

⁹ Внешняя политика России XIX – начала XX вв. Сер. 1. Т. VI. М., 1962. С. 461.

¹⁰ Venzky G. Die Russisch-Deutsche Legion in den Jahren, 1811–1815. Wiesbaden, 1966. S. 119.

¹¹ Бессонов В. А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. IV. М., 2005. С. 58. (Труды ГИМ. Вып. 147).

- ¹² *Venzky G.* Op. cit. S. 40.
- ¹³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 492. Л. 46.
- ¹⁴ Там же. Л. 49.
- ¹⁵ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П. И. Щукиным. М., 1908. Ч. 10. С. 162.
- ¹⁶ Там же. С. 138.
- ¹⁷ Тамбовская губерния в 1812–1813 гг. (Рефераты, статьи, документы). Тамбов, 1914. С. 25.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 573. Л. 190, 203, 206, 217, 231, 235, 238.
- ¹⁹ *Вильсон Р. Т.* Дневник и письма, 1812–1813. СПб., 1995. С. 65–66.
- ²⁰ ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 278. Л. 16–17.
- ²¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 1. Л. 5.
- ²² Там же. Л. 9.
- ²³ Там же. Л. 3.
- ²⁴ Там же. Л. 13.
- ²⁵ Там же. Л. 19–21.
- ²⁶ Там же. Л. 1–2.
- ²⁷ Там же. Л. 36.
- ²⁸ Там же. Л. 1.
- ²⁹ Там же. Л. 42–43.
- ³⁰ Материалы об Отечественной войне. С. 359.
- ³¹ *Вильсон Р. Т.* Указ. соч. С. 178.
- ³² Там же. С. 89.
- ³³ ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 278. Л. 32.
- ³⁴ Там же. Л. 33.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2654. Л. 69.
- ³⁶ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 33. Л. 18–21.
- ³⁷ Материалы об Отечественной войне. С. 142; М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1955. Т. 4, ч. 2. С. 236.
- ³⁸ Материалы об Отечественной войне. С. 250.
- ³⁹ *Дубровин Н. Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815). М., 2006. С. 295.
- ⁴⁰ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 1. Л. 44.
- ⁴¹ *Бессонов В. А.* Законодательная база... С. 58.
- ⁴² ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 278. Л. 12.
- ⁴³ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 1. Л. 48.

- ⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 278. Л. 14.
- ⁴⁵ Бессонов В. А. Законодательная база... С. 58.
- ⁴⁶ В тылу армии: Калужская губерния в 1812 г.: Обзор событий и сб. документов / Сост. В. И. Асонов. Калуга, 1912. С. 49.
- ⁴⁷ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 1. Л. 23.
- ⁴⁸ Там же. Л. 24.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20. Л. 6.
- ⁵⁰ Там же. Л. 7.
- ⁵¹ Там же. Л. 8–9.
- ⁵² Там же. Оп. 4. Д. 20. Л. 1.
- ⁵³ Там же. Л. 4–5.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 1. Л. 54–55.
- ⁵⁵ Там же. Л. 58.
- ⁵⁶ Там же. Л. 62–64.
- ⁵⁷ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П. И. Щукиным. М., 1903. Ч. 7. С. 361.
- ⁵⁸ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 1. Л. 70.
- ⁵⁹ Там же. Л. 68.
- ⁶⁰ Там же. Л. 50.
- ⁶¹ Там же. Л. 84.
- ⁶² Там же. Л. 82.
- ⁶³ Там же. Л. 72.
- ⁶⁴ Там же. Л. 74–75.
- ⁶⁵ Там же. Л. 86.
- ⁶⁶ Там же. Л. 88.
- ⁶⁷ Там же. Л. 94.
- ⁶⁸ Там же. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 7–10
- ⁶⁹ Там же. Л. 11.
- ⁷⁰ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 1. Л. 76.
- ⁷¹ Там же. Л. 78.
- ⁷² Там же. Л. 102–104.
- ⁷³ Там же. Л. 80–82.
- ⁷⁴ Там же. Л. 114.
- ⁷⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 7.
- ⁷⁶ Там же. Ч. 1. Л. 118, 120.
- ⁷⁷ Там же. Л. 130.

⁷⁸ Там же. Л. 132.

⁷⁹ Там же. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 43.

⁸⁰ Там же. Л. 47, 48.

⁸¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 26, 27.

⁸² Там же. Л. 51.